

ЗАКУЛИСАМИ

Театр оперетты полвека спустя

ТАТЬЯНА И ВИКТОР КОВАЛЕВЫ: СЕМЬЯ В ИНТЕРЬЕРЕ ТЕАТРА

Сорок лет тому назад они приехали в наш город, в наш театр. Тогдашний директор Подшибиткин их попросту «увел» у хабаровчан, тем самым связав судьбу молодоженов и всю их биографию с юным строящимся городом. Но прежде чем они попали в оперетту, Виктора, выпускника волгоградского училища искусств, в чьем дипломе было четко прописано «артист театра музыкальной комедии», зачислили в штат драмтеатра. Татьяну, дирижера хорового коллектива — артисткой хора в музыкально-драматического театра имени Станиславского, которую годом позже реорганизовали.

КОГДА ВСЕ ВПЕРВЫЕ

Об этих коллизиях в биографии любимой железногорцами оперетты многие, вероятно, слышали. А Татьяна и Виктор Ковалевы через это еще и прошли. Впрочем, процесс трудоустройства, затем скорое увольнение (положено было писать такое заявление, раз прежняя структура упряднялась), потом вновь прием на работу их не слишком утомил. Они были полны надежд и планов. У них был четырехлетний опыт дружбы и трогательного ухаживания слесаря и рационализатора Сталинградского тракторного завода за вчерашней школьницей, с которой они вместе пели в академической капелле. И была первая общая победа: голубоглазый и могучий участник самодеятельности, выучившийся на профессионала, и хрупкая голубоглазая хоровика-сопрано начали осваивать первые в семейной жизни роли: мужа и жены.

Любопытно, что и первый спектакль у супругов был общим. Назывался он «Под черной маской». Вите предложили попробовать себя в роли Шахро Долидзе. Это был ведущий персонаж, с национальным колоритом и темпераментом. И главное, как вспоминает Ковалев, нужно было не столько сделать грузинский акцент, сколько выстроить само поведение героя. Он смотрел художественные и документальные фильмы, стремясь отыскать какие-то характерные черточки для своего персонажа. Наблюдал, по возможности, за людьми географически южных широт. Прислушивался к советам режиссера Арона Закса, дирижера Льва Оссовского. И так случилось, что на одном из спектаклей господин Случай построил новичку каверзу. Его напарник по сцене напрочь забыл текст. Вышел и молчит. «Шахро» ждал-ждал нужной реплики, чтобы завязать диалог, затем вытащил кинжал и давай гоняться с ним за молчуном. Так и убежали в кулисы. Это оказался единственно возможный выход. Но до него еще нужно было додуматься, что коллега-напарник оценил, тут же поблагодарив Виктора. Остальные тоже поняли: на новичка можно надеяться — не растеряется, не подведет, вытащит в случае чего.

Что в это время делала Татьяна? Переживала за мужа. Она и позже, какой бы это ни был спектакль, репетиция, частицей сердца всегда будет рядом. Как, впрочем, и он, независимо от того, поет ли она в составе хора или исполняет какую-либо предложенную ей, пусть даже вовсе небольшую, роль.

ЧТО ЕСТЬ СЦЕНА?

Волшебство занавеса, пеленающего праздник. Ожидание необыкновенной встречи чувств и музыки. Желание быть тем актером/актрисой, что сей-

час в спектакле живут иной судьбой — верить им, идти вслед и гореть их накалом страстей. А еще это каждодневный профессиональный труд, которого зрители не видят, не знают, не представляют. Большие и малые гастроли. Дороги и гостиницы, что нередко сотрудники театра осваивают вместе с детьми, которых некуда деть, не на кого оставить в городе. Так и у Ковалевых их сыночки Вадик и Олег ездили с ними по стране — в Ленинград и Даугавпилс, Черногогорку и Владивосток. В последнем в номере гостиницы с помощью кипятильника старший мальчонка даже варил к приходу со спектакля родителей выловленных им на побережье чилимов.

— Я до сих пор вспоминаю Норильск, его северный колорит. Приехали мы на гастроли и ахнули: жарки там — с кулак, а комары — как воробьи. Представляете? — рассказывает, озорно блестя глазами, Таня.

— Но зато там, в тундре, я нашел хорошую корягу, — спешит успокоить Виктор. — Сунули ее в декорации и так доставили домой. Я из нее сделал скульптуру «Гнездо»: дерево, на котором есть гнездо, а в нем — птица.

Корнепластикой Ковалев «заболел» в Сибири. Прежний интерес к рисованию заменило стремление собирать корешки, принесенные енисейской волной коряжки и фрагменты дерева. Как уж так вышло, что в момент артист оперетты видел в них что-то особое, он и сам не ведал, но руки словно знали, где убрать, где добавить, подрезать, подклеить, зачистить, чтобы получилось нечто. Одна из таких фигур — великолепный величественный лебедь размером чуть не в полметра. На нем, как на лошадке, скакали внуки. На него с удовольствием любуются взрослые. По друзьям да по коллегам разошлось-раздарилось около 100 скульптур. «И не жалко, если людям в радость», — улыбается Виктор.

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ И МАРЬЯ-ИСКУСНИЦА

Так в театре оперетты говорят о супругах Ковалевых. Если в Викторе с годами и «Никита Кожемяка», и «Храбрый портняжка» прорезались, а еще и мастер-чеканщик, модельер-обувщик, то Татьяна удивила всех рукоделием. Она не только в мановение ока выучилась владеть спицами, проникла в та-

инство вывязывания узоров, цветов, хитрых кружев, но и набрала небывалую скорость. С головы до ног одевала в модное вязание мужа и детвору, а также артистов театра, кои готовы были вставать в очередь, лишь бы она их одарила благосклонностью и мастерством. Витя же, словно в соревнование, лихо кроил и шил кожу, и не один начальник нашего города щеголял в пиджаке от Ковалева либо с портмоне «а-ля Ковалефф». Девятковские же модницы гонялись за сабо, которые также мастерил озабоченный господин.

Как такое могло быть? Да запросто: происходило сие во времена, когда в магазинах нашего закрытого города появились перебои с товарами. А зарплата артистов театра, и всегда-то небольшая, стала и вовсе смешной. Тут и помогло увлечение, поддержало семейный бюджет. И слава богу! Ну а теперь часть рукодельных экспонатов войдет в копилку Музейно-выставочного центра, тщательно собирающего свидетельства эпохи.

СЕКРЕТ СЧАСТЬЯ

«Ветер далекой весны», «Баядера», «Полярная звезда», «Поцелуй Чаниты», «Требуется героиня», «Последний чардаш», «Черный дракон», «Сильва», «Елена Прекрасная», «Летучая мышь», «Цыганский барон» — перечисление спектаклей, в которых играла чета Ковалевых, можно продолжать долго. За сорок лет службы в театре ими прожито множество ролей и одна главная — своя собственная Жизнь.

— Благодаря театру моя жизнь состоялась, — говорит Татьяна Ковалева. — У меня интересная работа. И Любимая! У меня хороший муж, хорошие дети. Выбранная мною стезя помогла мне!

— Я трепетно отношусь к городу. И к театру. Они мне понравились еще тогда, когда мы только-только сюда приехали, — это слова Виктора Ковалева. — Театр и город — единое целое в судьбе нашей семьи. Они дороги нам, как дороги наши зрители, с которыми мы всегда с нетерпением и волнением все 40 лет ждем встречи. Этим мы счастливы!

Наталья АЛТУНИНА.